

НОВАЯ ЭКОНОМИКА

№ 7-8 (25-26)

июль—август
2007

Научно-теоретический,
научно-практический,
научно-методический журнал

содержание

ЭКОНОМИКА

- Байнёв В. Ф.,
Джин Фан* Специфика инновационной политики Китая:
сравнительный анализ со странами
бывшего СССР 3
- Губанов С. С.* Этап перехода к еврофакторам развития 39
- Братищев И. М.* Как преодолеть бедность в России?
(Ретроспективный и перспективный взгляд
на проблему) 50
- Грек Н. Г.,
Бахренёва К. А.,
Судариков С. А.* Проблемы теоретических основ менеджмента 65

ОБЩЕСТВО

- Возможно ли избежать грядущих угроз?
Беседа с Э. М. Скобелевым 74
- Акулов В. Л.* Наука и религия (Ответ доктору богословия
профессору А. Кураеву) 80
- Семёнова В. Н.* Идеология «новых левых»:
предпосылки формирования
и причины поражения 92
- Криштанович Л. Е.,
Захарова И. Е.* В интересах национального самосознания
(рецензия на книгу: Шапошников Л. Е.
Консерватизм, модернизм и новаторство
в русской православной
мысли XIX-XXI веков) 105

Специфика инновационной политики Китая: сравнительный анализ со странами бывшего СССР

Байнёв Валерий Фёдорович,

доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента Белорусского государственного университета (г. Минск)

Джин Фан,

*менеджер компании «Хуавей»
(г. Шэньчжэнь, Китайская Народная Республика)*

Научно-технологический прорыв, совершённый Китаем в конце прошлого тысячелетия, впечатляет и позволяет считать, что сегодня мировой практике известен пример весьма успешной, достойной подражания национальной инновационно-промышленной политики. В частности, уверенно руководимый Коммунистической партией социалистический Китай за последнее десятилетие прошлого века смог увеличить в 27 раз производство наукоёмкой продукции, причём на фоне общего роста ВВП её доля возросла с 8.1 до 35.4 %. Ежегодно наращивая экспорт высокотехнологичной продукции на 15–20 %, страна смогла увеличить его объём в 31 раз, снизив сырьевую долю в экспорте в 4 раза. В наши дни темпы экономического развития Китая отнюдь не снижаются, поскольку, по данным Министерства коммерции КНР, объём экспорта и импорта продукции новых и высоких технологий Китая в 2005 г. составил USD 218.25 млрд USD и 197.71 млрд, увеличившись на 31.8 и 22.5 % соответственно. В итоге, по оценкам некоторых экспертов, с учётом паритета покупательной способности страна уже в 2003 г. вышла на второе место в мире по ВВП (США — USD 10.9 трлн, Китай — 6.4 трлн, Япония — 3.5 трлн, Индия — 3.1 трлн, Германия — 2.3 трлн), оставив всех своих традиционных конкурентов далеко позади. На очереди новая высота — мировое лидерство, поскольку нынешние темпы экономического роста Китая в несколько раз выше, чем у его единственного достойного конкурента — Соединённых штатов Америки. Для справки, в период с 1975 по 2003 гг. среднегодовые темпы роста ВВП составили в США — 2.0 %, в Китае — 8.2 %, в России с учётом рыночно-капиталистического разгрома — минус 2.1 %.

Для сравнения: руководство СССР, поначалу кардинально разошедшееся в оценке роли личности Иосифа Сталина со своими китайскими коллегами, а затем, в отличие от них, решительно, что называется, в одночасье изменившее и идеям коммунизма в пользу светлых рыночно-капиталистических идеалов, обеспечило тем самым грандиозное разорение и разграбление великой страны, её позорное исчезновение с политической карты мира. Этот наш общий позор заключается в том, что усилиями прозападной компрадорской элиты (разумеется, при непростительном попустительстве всего Великого Русского народа¹) на месте величайшей социалистической супердержавы, объективно имевшей вторую в мире экономику и на равных соперничавшей с самими США по отдельным направлениям научно-технического прогресса (НТП), возникла горстка заурядных рыночно-капиталистических государств, самое мощное из которых сегодня ставит перед собой все ту же амбициозную задачу «догнать и перегнать», но уже не Америку, а Португалию.

Последние свидетельства этого позора не сходят с экранов наших телевизоров, повествующих, например, о

том, как новая «супердержава» — хунторская Эстония занимается элементарным гробокопательством, злорадствуя и задыхаясь от переполняющего её чувства гордости за высочайшее ратное искусство и воинский подвиг горячих эстонских парней, бесстрашно ворошащих кости русских, белорусских, украинских и т. д. солдат. Тех самых воинов, кстати, наших родных отцов и дедов, чья победная поступь в своё время заставляла содрогаться и ликовать всю так называемую «цивилизованную» Европу. Ту самую Европу, которая не так давно вместе со всеми своими рыночно-демократическими ценностями и идеалами скорёхонько оказалась в стойле для покорных и трепетных рабов «третьего рейха» и из-за колючей проволоки робко взирала на свою единственную и последнюю надежду — великий, непобедимый, так и непобеждённый в честном бою Союз Советских Социалистических Республик.

Нет никаких сомнений в том, что указанным гробокопательством руками Эстонии занимается наш очередной (наряду с США) стратегический западный «партнёр» — Европейский Союз, полноправным членом которого, как известно, является эта страна, столь бесстрашная в открытом и честном бою с безмолвными могилами. Объяснить происходящее несложно. Думается, что «цивилизованный», а потому дряблый и завистливый Запад никогда не простит Великому Русскому народу неодолимой силы, беспримерной ратной и трудовой доблести, его абсолютной непобедимости, его Великой Победы, а главное — очевидного превосходства присущих ему коллективистской философии и духовного величия. То есть всех тех качеств,

¹ В данном случае под Великим Русским народом авторы статьи подразумевают единую, неразделимую совокупность трех его ветвей — белорусов, великороссов и малороссов — носителей, что называется, на генетическом уровне идей высочайшей духовности, гуманизма, соборности и коллективизма, обуславливающих колоссальное превосходство русского мировоззрения над примитивной рыночно-капиталистической философией западного «экономического человека», граничащей с зоологическим индивидуализмом и меркантильным эгоизмом.

которые столь контрастно проявились в середине прошлого века на фоне позорного бессилия Европы с её рыночно-индивидуалистскими и эгоистическо-демократическими ценностями перед Гитлером. Поэтому если нынешняя крайне негативная динамика развития стран СНГ не изменится к лучшему, то нет никаких сомнений в том, что апогей указанного позора и унижения ещё впереди...

Предвидя активные возражения, что сегодня, например, Россия, ставшая наконец-то полноценной рыночно-капиталистической державой (в 2003 г. ЕС, а в 2004 г. и США признали Россию страной с рыночной экономикой), перешла к уверенному экономическому росту, необходимо отметить следующее.

Во-первых, механическое увеличение ВВП, связанное с ускоренным наращиванием варварской добычи из недр всё большего и большего количества ископаемых ресурсов и их массированным сбытом за рубеж на благоприятном фоне роста цен на сырьё и энергоресурсы, никак нельзя назвать устойчивым ростом и тем более развитием. Неслучайно, когда речь заходит о качестве экономического роста в России, то специалисты вместо роста констатируют продолжающийся спад и деградацию её национальной экономики. Например, по расчётам известного российского экономиста, эксперта журнала «Экономист» С. С. Губанова, индикатор качества экономического роста в российской экономике по-прежнему остаётся отрицательным — минус 1.6 по итогам 2006 г., что указывает на до сих пор длящийся в этой стране системный кризис. Кстати, среди стран СНГ одна лишь «нерыночная» Беларусь по данному параметру вышла в

область положительных значений и достигла показателей 0.15 и 0.33 соответственно в 2005 и 2006 гг. [7, с. 56].

Во-вторых, по подавляющему большинству показателей социально-экономического развития нынешняя, ставшая рыночно-капиталистической Россия даже после рыночно-капиталистического «взлёта», усиленно декларируемого в течение последних 3–5 лет, до сих пор не вышла на дореформенный уровень, который продемонстрировала РСФСР в годы социалистического «застоя». Например, в аналитическом издании Института экономики РАН, посвящённом анализу результатов пятнадцатилетних рыночно-капиталистических реформ, указывается, что по итогам 2005 г. российский ВВП составлял всего лишь 95.4 %, продукция промышленности — 74, продукция сельского хозяйства — 76.4, инвестиции в основной капитал — 48, реальные располагаемые денежные доходы населения — 84 % от соответствующих показателей 1991 года. К тому же в 2005 г. в российской экономике более 36 % всех организаций были убыточными, соотношение доходов 10 % наиболее и 10 % наименее обеспеченного населения достигло почти 15-кратной величины за счёт того, что доля низшего населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в 2004 г. превысила 25 млн чел., или 17.6 % [6, с. 15, 27, 30]. Любой из указанных показателей в рыночно-капиталистической России существенно, зачастую в разы, хуже, чем в «нерыночной» Беларуси, которая давным-давно уже вышла по многим из них на дореформенный уровень и даже заметно его превзошла, успешно завершив восстановительный этап трансформации своей национальной экономики.

В-третьих, поражают масштабы рыночно-капиталистического разгрома научно-технического, промышленного и инновационного секторов национальных экономик стран бывшего СССР, о чём достаточно подробно уже повествовалось на страницах журнала [см. 1; 3]. Так, если социалистический Китай в последние десятилетия демонстрирует технико-технологический прорыв (см. выше), то в избравших рыночно-капиталистический путь развития странах бывшего СССР это годы стремительной деградации всех вышеперечисленных секторов, деиндустриализации и примитивизации их национальных экономик. Например, на фоне неослабевающей риторики о необходимости формирования инновационной экономики общая доля стран СНГ в мировом экспорте наукоёмкой продукции за годы «рыночного оздоровления» уменьшилась до 0.5–0.8 %

(более чем в 15 раз), наукоёмкость ВВП стран Содружества снизилась в 2–12 раз (табл. 1), доля сырьевых товаров в экспорте (за исключением Беларуси и Молдовы) гипертрофированно возросла до 60–85 % и т. п. В частности, специалисты отмечают, что сегмент сырьевой продукции в общем объёме, например, российского экспорта кратно возрос, поскольку в 2005 г. в его структуре на топливно-энергетические ресурсы пришлось 56.8 %, металлы и простые изделия — 16.9, продукцию химической промышленности — 6.6 %, в то время как доля машин и оборудования в годы рыночно-капиталистических реформ сократилась более чем вдвое до 7.5 %. Следовательно, сырьём полуфабрикатами с минимальной собственной добавленной стоимостью заполняется более 80 % годового вывоза товаров.

Таблица 1. Динамика наукоёмкости ВВП в странах СНГ в трансформационный период 1990–2005 гг.

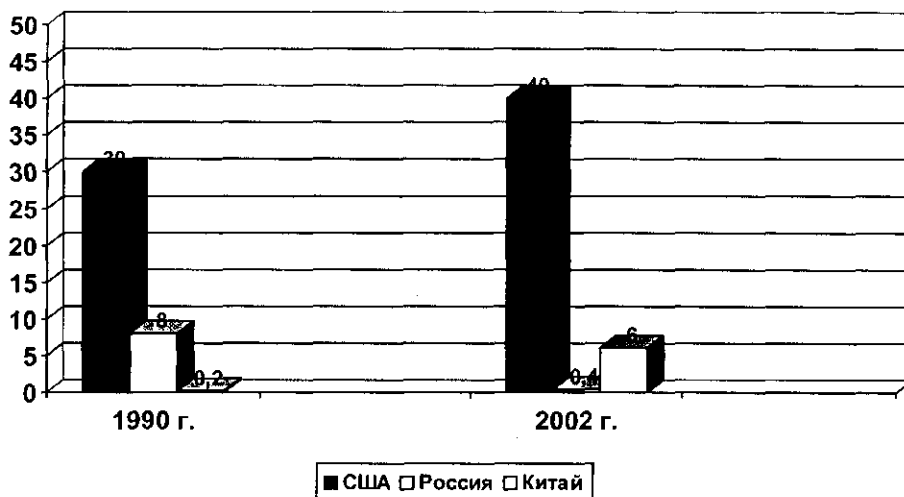
Страна	Наукоёмкость ВВП, %							
	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.
Азербайджан	1,0	0,31	0,35	0,3	0,3	0,2	0,2	0,2
Армения	2,5	0,30*	0,26	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3
Беларусь	2,3	0,95	0,81	0,8	0,7	0,7	0,7	0,8
Грузия	1,2	0,11	0,19	0,2	0,2	0,01	0,01	0,1
Казахстан	0,7	0,27	0,17	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3
Кыргызстан	0,7	0,26	0,13	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
Молдова	1,6	0,75	0,58	0,5	0,5	0,4	0,4	0,4
Россия	3,0	0,81	1,28	1,4	1,4	1,5	1,9	1,2
Таджикистан	0,7	0,11	0,07	0,07	0,05	0,06	0,06	0,1
Туркменистан	0,7	0,26	0,10*	—	—	—	—	—
Узбекистан	1,2	0,39	0,36*	—	—	—	—	—
Украина	2,3	1,34	1,14	1,1	1,1	1,3	1,2	1,1
Наукоёмкость, рассчитанная по методологии ОЭСР								
Беларусь	1,47	0,85	0,72	0,71	0,62	0,61	0,63	0,69
Страны СНГ в целом	2,11	1,15	0,81	0,80	0,71	0,72	0,68	0,77

Примечания: *1999 г.; составлено по данным [13, с. 164; 15, с. 22–23; 19, с. 340].

*Специфика инновационной политики Китая:
сравнительный анализ со странами бывшего СССР*

Исходя из приведённых пропорций, легко подсчитать, что доля сектора сырья и полуфабрикатов в товарном производстве России достигла 60 %. Перечисленные факты однозначно свидетельствуют о росте отсталости, и отсталости сырьевого экономического, принятого в большинстве стран ЕвразЭС и СНГ [9, с. 16]. Отчасти это относится и к Республике Беларусь, в последнее время, к сожалению, демонстрирующей крайне негативные тенденции, связанные с тем, что доля машин и оборудования в общем экспорте страны в период с 1998 по 2005 гг. снизилась с 30.2 до 20.3 %, а доля минеральных продуктов выросла с 8.4 до 35.4 %. При этом в 2005 г. доля инновационно активных предприятий сократилась с 50 % в допстроечном СССР до 14.1 % в Беларуси, 12.3 – в Украине, 10.3 – в России, 2.2 % – в Казахстане (2004 г.), в то

время как в технологически развитых странах Запада аналогичный показатель сегодня достигает 60–80 %. Разумеется, быстрое вытеснение России и других стран бывшего СССР с рынков высокотехнологичной и наукоемкой продукции обернулось соответствующим увеличением доли на этих рынках более успешных стран, включая Китай (рис. 1). Иными словами, на месте бывшей социалистической супердержавы в процессе «рыночно-капиталистического оздоровления» весьма успешно формируется сырьевая полукOLONиальная провинция Запада – технологическое захолустье с прикованным к «сырьевой тачке» и к тому же быстро вымирающим населением. А на втором месте в мировой экономике, ранее принадлежавшем СССР, вновь уверенно обосновалась *социалистическая* супердержава, правда, уже другая...

Источник: оценки авторов, а также [20, с. 609].

Рисунок 1. Динамика доли выпуска наукоемкой продукции США, Россией и Китаем, % от общемирового объема

Нет никаких сомнений в том, что указанные успехи КНР предопределены целым рядом специфических особенностей китайской модели социально-экономического развития и, соответственно, государственной инновационной политики, которые становятся более очевидными и рельефными в сравнении с потерпевшим катастрофу СССР и оставшимися после него странами.

Первая особенность китайской модели развития обусловлена тем, что осуществленный этой страной беспрецедентный научно-технологический прорыв не просто отражает технические или даже теоретические преимущества китайской экономической модели. Этот успех демонстрирует очевидные преимущества *социоцентрической*, основанной на *коллективизме* философии, уходящей корнями в конфуцианство, перед западным *эгоцентрическим* мировоззрением с его абсолютной ценностью — приматом прав индивидуума, всеми способами максимизирующего *индивидуальную* полезность. Совершенно очевидно, что в условиях беспрецедентного обострения глобальной конкуренции сплоченная, что называется, «сыгранная» команда вследствие реализации интеграционного (синергетического) эффекта обречена выигрывать у совокупности конкурирующих друг с другом индивидуумов, что во многом объясняет китайское экономическое чудо.

В то время, когда в странах бывшего СССР господствовала, по сути, та же самая идеология и его индивидуумы и народы были единой, сплоченной силой, страна была непобедима и, преодолев чудовищную послевоенную разруху, весьма быстро вышла на

одно из первых мест в мире по экономической мощи и уровню НТП. Однако стоило гражданам и народам этой страны (особенно тем, в чье сознание идеи соборности и коллективизма «вмонтированы», что называется, на генетическом уровне) изменить своим духовным идеалам и повернуться в сторону чуждого их натуре рыночно-капиталистического меркантильного индивидуализма, как даже в мирное время наступила столь же чудовищная разруха, что и после вторжения на территорию страны германского вермахта. Источник этой разрухи — потеря синергетического, интеграционного эффекта в результате рыночно-капиталистической дезинтеграции некогда единого, построенного по принципу современной западной ТНК, то есть планомерно развивающегося, народнохозяйственного комплекса.

Результаты выполнения НИР № 20061700 «Теоретико-методологические основы межгосударственной инновационно-промышленной политики стран ЕвразЭС как фактор их устойчивого развития» (проект ГКПНИ «Экономика и общество», 2006–2010 гг.) показали, что изгнание государства из экономики по рецептам «экономикс» и Вашингтонского консенсуса, наивное упование на свободные рыночные силы и конкуренцию, связанные с потерей интеграционного эффекта, объективно ведут к столь желанной для Запада деградации научно-технической и инновационной сферы переходных к рынку стран. В итоге государства, безнадежно отставшие от лидеров НТП, вынуждены закупать продукцию высоких технологий у технологически развитых держав по диктуемым им и, следовательно, очень завышенным ценам за валюту,

которую приходится приобретать путём массовой продажи на Западе сырья и энергоресурсов по весьма заниженным ценам, которые опять-таки диктует «золотой миллиард».

Здесь следует отметить глубокую ошибочность представлений о том, что рыночная экономика создаёт объективные предпосылки для стимулирования инновационной активности субъектов рынка, якобы жёстко конкурирующих друг с другом и потому вынужденных активно внедрять новшества. В условиях, когда стоимость исследований и разработок была пренебрежимо мала и, например, закон всемирного тяготения можно было открыть, просто лежа под яблоней, данная точка зрения была справедливой.

Сегодня имеется множество фактов, позволяющих признать, что рыночно-конкурентная модель, бывшая популярной в практике современных технологически развитых стран конца XIX — начала XX вв., в условиях постиндустриальной, основанной на знаниях, инновационной по своей сути экономики является безнадежно устаревшей. И действительно, если бы технологически развитые страны мира по-прежнему ориентировались на рыночно-конкурентную модель, то в стремлении к совершенной конкуренции их национальные экономики всё более и более представляли бы собой бесчисленные и количественно возрастающие множества средних, мелких и мельчайших конкурирующих друг с другом субъектов хозяйствования. Вместо этого лидеры мировой экономики по-прежнему демонстрируют тотальное укрупнение своих ведущих компаний и их превращение в мегакорпорации, которые сегодня уверенно распространяют монопольную власть не толь-

ко на отрасль, в которой работают, но и на национальную, а порой и всю мировую экономику.

Специалисты отмечают, что в настоящее время дезинтеграционные процессы, ведущие к усилению конкуренции, в количественном плане на порядок уступают интеграционным процессам, способствующим увеличению монопольной силы интегрирующихся экономических систем (бизнес-систем) и тем самым удаляющим национальную и мировую экономику от описанной в «экономике» рыночно-конкурентной идиллии. Так, в США в 1996—1997 гг. произошло 150 случаев разделения американских акционерных компаний, однако за это же время наблюдалось в 10 раз больше слияний, что однозначно отражает общие нерыночные тенденции развития национальной экономики ведущей державы мира. В итоге, сегодня каждая из 200 крупнейших американских компаний имеет в своём составе предприятия не менее 20 отраслей, причём 39 таких компаний действуют в 30 отраслях, а 9 — в 50 отраслях производства. Необходимо отметить, что указанные отнюдь нерыночные процессы монополизации и централизации характерны для всех стран-лидеров мировой экономики. По оценкам экспертов Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), в первой сотне «хозяйствующих субъектов» разного вида (стран и компаний) не менее 29 являются крупными ТНК ведущих стран Запада, а остальные — суверенными государствами.

Почему же вопреки рекомендациям Вашингтонского консенсуса, нацеливающих реформы в переходных странах на «чудодейственную» рыночно-конкурентную модель развития,

лидеры мировой экономики на практике демонстрируют отказ в пользу монополий через тотальное укрупнение своих предприятий, превращение их в мегакорпорации и, следовательно, усиление централизации в принятии экономических решений и дальнейшее обобществление производства? Ответ на этот вопрос дан некоторыми зарубежными и отечественными учёными, считающими, что, несмотря на многоцелевой эффект от интеграции субъектов хозяйствования, «главная выгода американских компаний от проведения слияний в промышленности связана с экономией на долгосрочных разработках и создании новых видов продукции, а также на капиталовложениях в новые технологии» [5, с. 124]. Это означает, что отказ в технологически развитых странах от базовых рыночных ценностей — хозяйственного суверенитета, конкуренции и ориентации на индивидуальный успех — в пользу интеграции и сотрудничества фирм обусловлен стремлением через реализацию интеграционного эффекта повысить их инновационную восприимчивость, то есть необходимостью перехода к инновационной экономике. Иными словами, в современных условиях рыночно-конкурентный механизм существенно снижает инновационную восприимчивость субъектов хозяйствования, активно тормозит ИТП, что делает рыночную модель хозяйствования принципиально неэффективной в условиях новой экономики.

Данный вывод однозначно следует, например, из результатов исследований, проведённых под руководством профессора В. Н. Шимова в Белорусском государственном экономическом университете. Согласно несложной

модели, предложенной белорусским экономистом А. А. Быковым, интеграционный (синергетический) экономический эффект от внедрения конкретного нововведения на n предприятиях может быть оценён на основе следующего выражения [5, с. 117–122]:

$$\mathcal{E}_{ин} = n \cdot P_n \cdot (C_b - C_n) - (Z_{ип} + n \cdot Z_{оп}), \quad (1)$$

где $\mathcal{E}_{ин}$ — совокупный экономический эффект от внедрения нововведения, руб.; n — количество предприятий, внедряющих нововведение, ед.; P_n — объём реализации продукции единицей предприятия, ед.; C_b и C_n — себестоимость производства и реализации единицы продукции соответственно по базовому и новому варианту, руб.; $Z_{ип}$ — затраты на исследования и разработки, руб.; $Z_{оп}$ — затраты на освоение производства новой продукции на единичном предприятии, руб.

Особенность приведённого выражения состоит в том, что в условиях информационной экономики у интегрированных в бизнес-систему предприятий появляется принципиальная возможность не дублировать затраты на исследования и разработки, а осуществить их всего лишь один раз, централизованно, в связи с чем параметр $Z_{ип}$ в отличие от величины $Z_{оп}$ на n не умножается (1).

Пример: Нововведение на единичном предприятии обеспечивает снижение себестоимости единицы продукции на $(C_b - C_n) = 1000$ руб., однако его внедрение было связано с затратами на исследования и разработки $Z_{ип} = 1000$ млн руб. и освоение производства $Z_{оп} = 100$ млн руб. Рассчитать совокупный экономический эффект от внедрения нововведения $\mathcal{E}_{ин}$ на 1, 2, 5 и 10 предприятиях ($n = 1, n = 2, n = 5$,

$n = 10$), при условии, что объём реализации продукции на каждом единичном предприятии $P_n = 1\,000\,000$ ед.

В табл. 2 приведены результаты вычисления совокупного экономического эффекта от внедрения нововведения $\mathcal{E}_n$ на n интегрированных в бизнес-систему предприятиях. Результаты расчета подтверждают гипотезу о том, что *рыночно-конкурентный механизм стал непреодолимым препятствием для НТП и процесса формирования инновационной экономики*. Действительно, на единичном, ориентированном на индивидуальный резуль-

тат предприятия указанная инновация неэффективна ($\mathcal{E}_n < 0$) и, следовательно, она не будет реализована ни на одном из множества конкурирующих друг с другом рыночных субъектов. Иными словами, рыночно-конкурентная среда оказывается невосприимчивой к крупным, серьезным инновациям. В то же время реализация той же самой инновации на двух и более сотрудничающих предприятиях обеспечивает положительный экономический эффект, что делает такую нерыночную среду инновационно-восприимчивой.

Таблица 2. Изменение совокупного экономического эффекта от внедрения нововведения $\mathcal{E}_n$ в зависимости от степени интеграции предприятий

Количество интегрированных в бизнес-систему предприятий n , ед.	Экономия от снижения себестоимости продукции в результате внедрения нововведения $n \times P_n \times (C_0 - C_n)$, млн руб.	Затраты на исследования и разработки $Z_{ир}$, млн руб.	Вложения в освоение производства новой продукции $n \times Z_{оп}$, млн руб.	Совокупный экономический эффект от внедрения нововведения $\mathcal{E}_n$, млн руб.
1	1 000	1 000	100	-100
2	2 000	1 000	200	800
5	5 000	1 000	500	3 500
10	10 000	1 000	1 000	8 000

В итоге в условиях новой экономики (экономики, основанной на знаниях), когда стоимость получения новых знаний и осуществления НИР и НИ-ОКР стремительно возрастает, а издержки на их тиражирование сокращаются благодаря информационно-коммуникационным технологиям, рыночно-конкурентная модель быстро теряет актуальность. Это происходит по той причине, что в *рыночно-конкурентной среде самостоятельные, ориентированные на индивидуальный успех, конкурирующие друг с другом многочисленные предприятия вынуждены столь же большое количество раз дублировать затраты на НИР и НИ-*

ОКР с целью осуществления технико-технологических инноваций. В условиях неуклонного удорожания исследований и разработок нерациональное дублирование указанных затрат существенно снижает эффективность рыночно-конкурентного механизма, который оказывает всё более и более тормозящее воздействие на НТП и потому отвергается технологически развитыми странами. Иными словами, интегрированная, нерыночная среда (экономика) предоставляет практическую возможность прогнозировать НТП, планировать осуществление НИР и НИОКР и тем самым избегать нерационального дублирования доро-

гостоящих затрат на исследования и разработки. Это обеспечивает западным державам огромные конкурентные преимущества перед странами, которые осуществляют переход к рыночной экономике путём приватизации и дезинтеграции народнохозяйственных комплексов.

Сто-двести лет тому назад, когда стоимость исследований и разработок была невелика, интеграционный эффект от экономии на указанных затратах был незначителен и потому именно рыночно-конкурентный механизм обеспечивал максимально эффективное использование дефицитных ресурсов. Сегодня же, когда затраты на исследования и разработки составляют значительную часть (от 15 до 90 %) общих затрат на производство и реализацию продукции, максимально эффективное использование ограниченных ресурсов осуществляется в условиях растущего обобществления производства, централизации управления и перехода к коллективным формам поведения субъектов хозяйствования, ещё совсем недавно бывших непримиримыми конкурентами. Неслучайно некоторые западные специалисты сегодня ведут речь о *революции в менеджменте*, связанной с формированием экономических систем принципиально нового типа, эффективность которых обеспечивается не конкуренцией, а реализацией интеграционного эффекта на основе коллективизма, сотрудничества и централизации управления.

В конечном счете, межгосударственная, ставшая глобальной конкуренция напоминает игру футбольных команд. При этом игроки одной из команд действуют сообща, коллективно, учитывая установки (игровой план) тренера,

«играя в пас» и страхуя друг друга, а игроки второй — самостоятельно, разрозненно, ориентируясь на индивидуальный успех, конкурируя друг с другом и желая во что бы то ни стало забить мяч самостоятельно. Очевидно, что исход такого матча предопределён. Вот почему страны, осуществляющие переход к рыночной экономике, как правило, неконкурентоспособны и заведомо проигрывают в темпах научно-технического развития тем странам, которые, по сути дела отказавшись от рыночно-конкурентных принципов хозяйствования, осуществляют переход к инновационной экономике.

В итоге стихийная рыночная конкуренция внутри страны из эффективного фактора стимулирования инновационной активности в бытность индустриальной экономики постепенно, но неминуемо превращается в столь же эффективный тормоз НТП в условиях основанной на интеллекте и знаниях экономики постиндустриального типа. В условиях, когда стоимость исследований и разработок по мере смены технологических укладов возрастает в геометрической прогрессии, НТП уверенно попадает в сферу изъёмов (другие авторы используют термины — «дефектов», «недостатков», «неэффективности», «фиаско» и даже «провалов») рынка. Вот почему сегодня технологически развитые страны, на словах позиционируя себя в качестве государств с либеральной рыночной экономикой, на деле уже давно отказались от рыночных принципов ведения дел и прибегают к тщательному прогнозированию и планированию НТП как на микро-, так и на макроуровнях.

Итак, наиболее общей задачей прогнозирования и планирования НТП, его государственного регулирования

является исправление дефектов рынка, который ввиду невозможности реализации интеграционного эффекта оказывается неэффективным в сфере стимулирования инновационной деятельности субъектов хозяйствования в условиях формирования экономики постиндустриального типа. Изучение в рамках вышесказанной НИР свойств и закономерностей перехода технологически развитых стран к инновационной экономике позволило нам сделать вывод о том, что категории «инновационная экономика» и «рыночная экономика» в современных условиях не просто не соответствуют друг другу, но и выступают в качестве едва ли не взаимоисключающих понятий. Так, из приведённых выше рассуждений следует важнейший теоретико-методологический вывод о том, что инновационная экономика является качественно новой ступенью на пути эволюции экономических систем, следующей за рыночно-конкурентной моделью и во многом её отрицающей. Представляется, что недостатки (точнее — провалы) в сфере формирования инновационной экономики в большинстве постсоветских стран обусловлены тем, что Беларусь, Россия, Украина и т. д. ориентированы на заведомо неконкурентную в условиях экономики знаний рыночно-конкурентную модель, в то время как сегодня актуальна модель инновационного развития, основанная на совершенно иных закономерностях и принципах взаимодействия [2, 11]. Ничем иным, кроме как необходимостью перехода к инновационной экономике, не могут быть объяснены процессы образования и быстрого роста транснациональных и межнациональных корпораций, которые давно сделали мировую экономику нерыночной,

похожей на директивно-плановую, управляемую из единого мирового олигархического финансового центра — свособразного планетарного политбюро, или глобального госплана (известно, что сегодня на долю всего лишь около 300 миллиардеров планеты приходится до 50 % планетарного богатства).

Разумеется, в целях сохранения лидирующего положения гранды мировой экономики кровно заинтересованы в том, чтобы развивающиеся и переходные страны шли по ложному пути построения именно рыночных систем хозяйствования, связанных с дезинтеграцией народнохозяйственных комплексов и национальной экономики, её децентрализацией и потерей интеграционного эффекта, упованием на «живительную» силу малого бизнеса и всепобеда конкуренции. Вот почему «нерыночная» Беларусь, отстающая по скорости рыночно-капиталистических преобразований от других стран СНГ, существенно запаздывает и по степени деградации научно-технического и промышленного потенциалов. Действительно, в условиях безраздельного глобального господства нескольких западных мегакорпораций хоть как-то противостоять этим экономическим гигантам в конкурентной борьбе может только высоко интегрированная, централизованно управляемая (то есть построенная на тех же принципах, что и сами ТНК) национальная экономика малой и средней страны. Всё это в очередной раз с научной точки зрения обосновывает правильность и дальновидность экономического и политического курса высшего руководства Республики Беларусь, равно как и Китайской Народной Республики, не бросивших штурвал уп-

равления экономикой на производ рыночной стихии и не ввергнувших страну в шоковые рыночно-капиталистические реформы, главный выигрыш от которых всегда достаётся крупному (значит, западному) капиталу.

Представляется, что путь к глобальной конкурентоспособности, равно как и переход к инновационной экономике стран бывшего СССР, нереален без создания и государственного патронажа *сверхкрупных, вертикально интегрированных, то есть объединяющих в себе весь производственный цикл, начиная с добычи сырья и заканчивая организованым сбытом продукции, государственных и государственно-корпоративных структур*, действующих по примеру западных ТНК без оглядки на рыночные «правила игры». В связи с этим сегодня, на наш взгляд, необходимо инициировать масштабные научные исследования в направлении изучения феномена инновационной экономики в качестве следующей за рыночной моделью и во многом её отрицающей ступени развития экономических систем. Главная цель таких исследований — поиск новой, ориентирующей на формирование *сверхкрупных бизнес-систем* научно-теоретической экономической парадигмы, которая позволила бы реализовывать *интеграционный (синергетический) эффект* в экономических системах разного уровня (по примеру западных ТНК) в качестве основного фактора *глобальной конкурентоспособности*. Господствующая же ныне на всём постсоветском пространстве система экономических знаний, наоборот, нацеливает постсоветские страны на переход к рыночной системе хозяйствования, уповаает на конкурентные преимущества малого, милли- и микробизнеса, обосновывает необходи-

мость формирования конкурентной среды посредством дезинтеграции и дробления народнохозяйственных комплексов через приватизацию и, следовательно, полное изгнание государства из экономики.

Здесь хотелось бы сделать несколько замечаний о «живительной» силе малого и среднего бизнеса, который якобы представляет собой благодатную среду для чудотворной рыночной конкуренции и потому является «локомотивом инноваций». Так, известно, что в 2006 г. не самая крупная в мире фирма *Exxon Mobil* создала валовой продукт на сумму более USD 345 млрд, а её *чистая прибыль* достигла USD 27 млрд, что едва не превысил ВВП Беларуси в целом (USD 29.6 млрд в 2005 г.). В связи с этим трудно представить себе, например, индивидуального предпринимателя Ивана Пупкина или кооператив «Копыльское подворье», которые в пылу конкурентной борьбы с названной и другими ТНК инвестировали миллиарды долларов в развитие нанотехнологий или изучение свойств новых материалов в условиях космической невесомости. Очевидно, что упования на небывалую инновационность малого бизнеса на фоне сознательной рыночной дезинтеграции народнохозяйственных комплексов, а главное, внедрение этой точки зрения в обывденное сознание — это хорошо спланированные, целенаправленные действия «пятой колонны», запрограммированной своими западными хозяевами изнутри подрывать конкурентоспособность переходной к рынку страны. Кроме того, давно уже не является секретом, что большинство малых и средних предприятий в переходных к рынку странах занято откровенно спекулятивной деятельностью, связан-

ной с распространением на нашей территории продукции западных ТНК — разного рода пищевых и непищевых суррогатов («ножик Буша», кока-колы, жвачки и т. п.). В связи с этим *огромные* льготы невероятно «инновационному» малому и среднему бизнесу вообще — это наша «братская помощь» и без того невероятно богатому Западу, за что тот, несомненно, поставит упомянутой «пятой колонне» ещё одну отличную оценку за усердие.

Разумеется, инновационные льготы и преференции должны предоставляться, причём в масштабах, в несколько раз больших тех, в которых они предоставляются сейчас в России и Беларуси [2, с. 124–127]. Однако для решения этой проблемы, прежде всего, необходимо разработать правовые основы предоставления субъектам хозяйствования *статуса «субъекта инновационной деятельности»*. Только официальное получение (с выдачей соответствующего сертификата) указанного статуса той или иной организацией независимо от её размера должно обеспечивать *исключительный* доступ к целому комплексу серьёзных льгот и преференций со стороны государства (налоговые и таможенные льготы, государственные дотации, доступ к льготным и вообще бесплатным кредитам и т. д.). Например, в Японии, Германии, Южной Корее, Китае и других совершивших в то или иное время технико-технологический прорыв странах предприятия, получившие указанный статус, могли получать долгосрочные кредиты под формальные проценты, выводить из-под налогообложения до 200 % затрат на НИР и НИОКР или на приобретение высокотехнологичного оборудования, пользоваться другими серьёзными

льготами. По позитивному примеру этих стран и нам сегодня необходимо законодательно дифференцировать предприятия по причастности к инновационному процессу.

Разумеется, у малого и среднего бизнеса имеется своя ниша в инновационном процессе. Из (1) следует, что малые и средние предприятия могли бы выполнять на конкурентной основе отдельные научно-исследовательские работы, связанные, например, с освоением производства ($Z_{оп}$) или выполнением фрагментов исследований и разработок, *по заказам крупных и сверхкрупных компаний (отечественных ТНК)*, которые, однако, Вашингтонский консенсус и «экономикс» предлагают и даже требуют разрушать всеми способами в угоду формированию рыночно-конкурентной среды.

Подводя итог этой части статьи, следует отметить, что в условиях перехода к инновационной, постиндустриальной, информационной экономике внутристрановая конкуренция субъектов хозяйствования («война всех со всеми» внутри страны) серьёзно подрывает глобальную конкурентоспособность страны на мировом рынке, где ныне всецело господствуют западные ТНК с финансовыми оборотами, в разы превышающими ВВП Беларуси. (Пусть читатель представит себе футбольную команду, игроки которой в борьбе за мяч конкурируют друг с другом, мешая своим коллегам и вообще уничтожая их.) Поэтому наш переход к рынку по западным учебникам марки «экономикс» (made in USA) обеспечивает, что называется, из глубины тыла беспрецедентные конкурентные преимущества западным ТНК, которые давным-давно «играют» по нерыночным правилам.

Второй специфической чертой китайских экономических реформ является то, что они реализуются не в интересах избранного меньшинства, ассоциированного с западным капиталом и потому действующего сообразно с интересами Запада, как это произошло, например, в СССР, а затем и в России, а на благо всего народа под жёстким контролем Коммунистической партии КНР. Обе вышеуказанные особенности китайской модели социально-экономического развития закреплены конституционно, поскольку в статье 1 Конституции КНР прямо записано, что Китай — *социалистическое* государство, основанное на *диктатуре народа* и потому действующее исключительно в интересах народа.

Следует указать, что в основном законе СССР было записано практически то же самое, однако результат, как известно, получился совершенно иным. Причиной тому, на наш взгляд, являются активные действия «пятой колонны», которая при колоссальной финансовой поддержке Запада смогла изнутри подорвать экономическую и военно-политическую мощь СССР, разрушить территориальную целостность и сегодня, прочно обосновавшись в чиновничьей среде на всех уровнях, методично истязает Россию и некоторые другие страны постсоветского пространства. И дело здесь не в каком-то заговоре, а в самой обычной для рыночного капитализма межстрановой конкуренции за рынки сбыта и быстро расходующиеся природные ресурсы. В полном соответствии с безжалостными законами глобальной конкуренции «просвещённый» Запад искусно решает за счёт переходных стран глобальные проти-

воречия развития, важнейшими из которых являются сырьевая и энергетическая проблемы.

Так, в странах «второго» и «третьего» мира весьма распространено (бытует) ошибочное суждение, что западная цивилизация, основанная на рыночно-капиталистических принципах хозяйствования, является высокоэффективной экономической системой. Однако если учесть, что 20 % её представителей (так называемый «золотой миллиард») потребляют более 80 % всех добываемых человечеством ресурсов и при этом создают до 90 % всех эмитируемых в окружающую среду отходов, то приходится признать, что рыночно-потребительский Запад, столкнувшись с диктатурой лимитов природы и поставив человечество на грань экологической катастрофы, обнаружил крайнюю неэффективность. В конечном счёте, сегодня в связи с быстро растущим дефицитом объективно ограниченных природных ресурсов лидеры мировой экономики вынуждены предпринимать весьма энергичные усилия по обеспечению доступа к недрам других стран, включая и страны бывшего СССР. Наряду с прямым военным захватом чужих территорий и их насильственной колонизацией (Ирак, Афганистан) на Западе разработаны и активно применяются идеологические и экономические технологии обеспечения захвата чужих ресурсов, которые достаточно примитивны, но тем не менее весьма эффективны. Эти технологии связаны со всемерным стимулированием разрушения научно-технического и инновационного потенциалов переходных стран, которым природные ресурсы, по мнению «просвещённого» Запада, достались лишь по недоразумению, и нацелены

*Специфика инновационной политики Китая:
сравнительный анализ со странами бывшего СССР*

на превращение этих стран в источники дешёвого сырья, энергоресурсов и рабской рабочей силы для технологически развитых держав.

Ключевым элементом указанных технологий захвата Западом природных ресурсов других государств является распространение в них усилиями «пятой колонны» *либерально-рыночной идеологии* и имплантация соответствующей научно-образовательной экономической парадигмы, имеющих целью окончательное вытеснение государства из экономической сферы, либерализацию экономики и её предоставление на откуп «свободным» рыночным силам. Если учесть, что сегодня западные ТНК по финансовым возможностям в десятки и сотни раз превосходят ВВП подавляющего большинства стран мира, то указанная «свобода» оборачивается беспрецедентными конкурентными преимуществами западных мегакорпораций перед отечественными субъектами хозяйствования. Действительно, в условиях, когда у некоторых «равноправных» субъектов рынка миллиарды долларов, а у множества других — всего лишь нищенская заработная плата, то демократия, рынок и либерализм по западным моделям — это беспроектное рабство для одних и полная вседозволенность для других.

Навязываемый извне (например, Вашингтонским консенсусом) курс на обвальную приватизацию государственной собственности в условиях отсутствия в стране финансовых ресурсов и избыточном количестве приватизируемых объектов в полном соответствии с законами спроса и предложения приводит к быстрому снижению стоимости приватизируемых объектов, которые за бесценок ску-

паются западными ТНК и аффилированными подставными «национальными» инвесторами — экономической «пятой колонной». По оценкам экспертов, шоковые рыночные реформы в России привели к тому, что в результате приватизации, метко именуемой «прихватизацией» в народе и «пиратизацией» за рубежом (имеется в виду книга М. Голдмана *Пиратизация в России*), наиболее эффективные активы достались новым собственникам — западному или компрадорскому прозападному капиталу — всего лишь за 1.5–2 % их справедливой стоимости. В итоге, подвергшаяся шоковой терапии и указанному масштабному иностранному инвестированию переходящая к рынку страна превращается для Запада в обильный источник дешёвого сырья, трансграничные потоки которого представляют собой всего лишь «внутрицеховое» перемещение оборотных средств западных ТНК, от которого законному владельцу природных богатств — народу переходной или развивающейся страны — достаётся очень мало.

Более того, используя колоссальное финансовое могущество, западные ТНК и аффилированные «национальные» инвесторы формируют в переходных к рынку странах подконтрольные политические элиты. Технология выращивания «пятой колонны» во власти путём свободных демократических выборов также отработана до мелочей, поскольку народ априори выберет президента, губернатора, мэра, депутата и т. д. только из числа тех кандидатов, о которых ему хоть что-то известно. А известно electorate только о тех политиках, кого должным образом представляют телевидение и другие «неподкупные» либо

вообще приватизированные СМИ, акции которых давным-давно принадлежат всё тем же «национальным» инвесторам. Не секрет, что подавляющее большинство этих «инвесторов» принадлежит к наиболее способным к бизнесу этническим группам и потому генетически связано с мировым интернациональным олигархическим центром в Лондоне (Нью-Йорке). В итоге сформированная по команде из этого центра политическая и экономическая «пятая колонна» переходной к рынку страны, используя могучие рычаги государственного управления и банковской системы, создаёт все условия для масштабной транспортировки на Запад сырья и энергоресурсов, а заодно и выручки от их продажи, в том числе и вполне официально, например, в виде пресловутого российского стабилизационного фонда.

В связи с этим заслуживает всяческого одобрения дальновидный курс высшего политического руководства Беларуси, остановившего быструю смену общественного строя в 1994 г. и аналогичные процессы перехода общенародной собственности в руки западного и компрадорского прозападного капитала. В итоге, указанная экономическая политика не позволила западным ТНК и аффилированным местным олигархам массово затрачивать труд белорусов на приобретение яхт, персональных авиалайнеров, заморских футбольных клубов, замков и прочих баснословно дорогих приобретений, не подорвала доверие народа к курсу экономических реформ и тем самым обеспечила предпосылки для устойчивого социально-экономического развития страны. Неслучайно на выборах Президента Республики Беларусь 19 марта 2006 г. из множества программ раз-

вития страны белорусы снова выбрали именно ту, которая гарантирует укрепление роли государства в экономике и, следовательно, продолжение устойчивого социально-экономического развития и экономическую независимость от Запада. В условиях стремительной монополизации мировой экономики западными мегакорпорациями, финансовые обороты которых сегодня многократно превышают ВВП абсолютного большинства стран мира, всерьёз вести речь о чудотворной силе свободного рынка, его «невидимой руке», конкуренции и прочих рыночных рудиментах могут либо наивные чудаки, либо люди, тем или иным образом заинтересованные в подчинении переходных экономик странам «золотого миллиарда», где, собственно, и базируется большинство ТНК.

Что касается социалистического Китая, на современном этапе также осуществляющего трансформацию национальной экономики в рыночном направлении, то в этой стране «пятой колонне» из числа наиболее способных к бизнесу этнических групп очень трудно обосноваться в коридорах власти по причине биологических особенностей внешнего облика типичного китайца. Поэтому китайские реформы проводятся не эмиссарами мирового интернационального олигархического центра в интересах последнего, а так же, как и в Беларуси, *национальной политической элитой* исключительно в интересах проживающего на территории страны коренного населения. В этом скрыт ещё один (возможно, главный) секрет китайского и белорусского экономического чуда.

Следует отметить, что незыблемая реализация принципа «сначала экономика — потом политические реформы»,

который резко снижает вероятность проникновения «пятой колонны» в самое «сердце» политической и экономической систем реформирующейся страны, когда те объективно слабы и уязвимы, принёс успех многим другим странам. В том числе и тем государствам, которые совершали технико-технологический прорыв в условиях авторитаризма и даже диктатуры (Япония, Южная Корея, Индия, Сингапур, Малайзия и др.). И наоборот, революционная ломка общественного строя в некоторых странах бывшего СССР позволила «пятой колонне» при массовой финансовой поддержке Запада прочно и, вероятно, надолго обосноваться на командных высотах государства и экономики, что вполне исчерпывающе объясняет и однобокость сырьевого роста, и деградацию инновационно-промышленной сферы постсоветских стран, и их сырьевое, финансовое, интеллектуальное и т. д. донорство в пользу Запада. Кстати, очень трудно подобрать иное логически выдержанное объяснение и тому, например, что «дружественные» для России Эстония или Грузия ни разу не подвергались с её стороны «газовым атакам» наподобие тех, что несколько раз пережила «враждебная» российским интересам Беларусь.

С необходимостью предотвращения указанной проблемы связана и *третья особенность* китайской модели перехода к инновационной экономике, которая позволяет считать грубой ошибкой утверждение о том, что социалистический Китай осуществляет переход к рыночно-капиталистической экономике и именно рыночный капитализм — есть цель и желаемый итог всех преобразований. Никто в Китае

не смеет нарушать Конституцию КНР, статья 1 которой гласит, что подрыв социалистического строя Китая является тяжким преступлением. Китай продолжает строить *эффективную социально-ориентированную социалистическую экономику инновационного типа* на благо китайского народа, а рыночный механизм — это всего лишь инструмент достижения указанной великой цели, причём, судя по всему, временно используемый (наподобие ленинского напa). Неслучайно на очередном съезде Коммунистической партии Китая провозглашен курс на *демаркетизацию* экономики и *усиление роли государственного планирования в экономике*, несмотря на то что оно в КНР изначально было весьма сильным, а НТП всегда жёстко прогнозировался и планировался государством.

Как известно, рыночный успех технологической политики, то есть коммерческий эффект от реализации новых технологий на рынке, определяется прежде всего эффективностью национальной политики по селекции, адаптации и диффузии технологий. Как это уже отмечалось выше, миру известен пример такой успешной национальной политики, направленной на селекцию технологий для получения высокого коммерческого результата на рынке, — это инновационная политика Китайской Народной Республики. Сегодня китайская промышленность занимает обособленное место даже по сравнению с другими азиатскими новыми индустриальными странами. Это связано с тем, что прочие страны юго-восточного региона извлекают конкурентные преимущества из начальных стадий производства. Они конкурируют на иностранных рынках в обработке сырья с японскими, американскими

и европейскими фирмами. Технология производства конечного продукта в основном иностранная. Китай же, оставив позади факторные преимущества, уверенно движется к инвестиционно-инновационным. Китайские фирмы при всестороннем участии правительства в качестве главного соинвестора активно вкладывают средства в развитие современных технологических процессов и широкомасштабное производство. Они делают мощные заблаговременные усилия для развития собственных производственных технологий, способствуют созданию постоянного растущего резерва китайских инженеров и научных сотрудников с высшим образованием.

Ещё в далёком 1982 г. в КНР была принята программа инноваций в социально-экономической сфере, так называемые «штурмовые планы». В ходе реализации этой программы возникла идея создания научных парков, которые были призваны ликвидировать научно-технологическое отставание КНР от стран Запада. Первый из таких парков организован в г. Шэньчжэнь в 1985 г. Научно-технологическую поддержку парку оказал местный университет и все научные центры КНР. Место в парке предоставлялось не всем желающим, а только фирмам, обладавшим передовыми или новыми технологиями и имевшим возможности для их внедрения. Обязательны также наличие рыночной ниши для продукции и экспортная ориентация производства. Помимо муниципального правительства Шэньчжэня и Академии наук КНР учредителем научного парка выступила Международная трастовая и инвестиционная корпорация провинции Гуандун. Правительство КНР на безвозмездной основе передало пар-

ку 320 га земли и предоставило массу льгот (например, налоговые каникулы, привилегии в сфере экспорта и импорта и возможность доступа к научно-техническим грантам правительства). Фирмам-участникам кредиты выделялись государственными банками под низкие проценты. За десять лет работы научного парка «Шэньчжэнь» разработано более 90 новых технологий и продуктов, часть из которых стала элементом национальной научно-технической стратегии в области передовых технологий.

Успех этого и появившихся следом технологических парков способствовал привлечению в КНР *венчурного капитала*. В 2002 г. американская инвестиционная компания *Warburg Pincus* (WP) создала в Китае ассоциацию венчурного капитала CVCA (China Venture Capital Association). Данная ассоциация включает в себя более 50 местных и иностранных фондов и инвестиционных компаний и управляет фондом в USD 40 млрд, из которых 25 млрд вложены в Китай и другие азиатские страны. В настоящий момент CVCA помогает малому бизнесу и высокотехнологичным компаниям Китая финансированием выхода на международный рынок. Усилиями государства в конце 2004 г. в стране насчитывалось уже более 180 различных венчурных инвестиционных компаний, причём 90 % — это правительственные, 8 % — иностранные, а остальные 2 % — совместные. Общая сумма капиталовложений превысила более USD 3.5 млрд.

Правительственная поддержка научно-технической и инновационной деятельности в КНР осуществлялась и продолжает осуществляться программно-целевым методом через ряд крупных долгосрочных общегосудар-

ственных целевых программ и планов. Так, с 1986 г. осуществляется утвержденная китайским правительством программа «Искра», цель которой — содействие развитию сельской экономики на основе применения научно-технических достижений. Она финансируется в основном за счёт банковских кредитов и аккумуляции общественных средств сельскохозяйственных коммун при дополнительной финансовой помощи государства.

В 1990 г. начал действовать *Государственный план приоритетного внедрения научно-технических достижений*, источниками финансирования которого стали главным образом кредиты, капитальные инвестиции, собственные средства предприятий, аккумуляция общественных средств, средства отраслей или провинций. В целях повышения качества жизни, улучшения среды существования и развития человека, регулирования отношений человека с природой, содействия НТП в социальной сфере и связанных с ней индустриях с 1996 г. была запущена *Государственная научно-техническая программа социального развития*, завершить которую предполагается в 2010 г. Она охватывает такие сферы, как медицинское обслуживание и санитария, здоровье, рациональное использование природных ресурсов, охрана и улучшение окружающей среды, превентивные меры против стихийных бедствий и коммунальное хозяйство. В 1998 г. государством инициирована экспериментальная работа по проекту «созидания новых знаний», на которую в течение трёх лет было выделено около USD 600 млн. Цель программы — создание функционального механизма интеллектуального новаторства, в том числе центров новаторства в знаниях

международного уровня. В том же году правительство КНР выделило около USD 120 млн учреждение *Фонда средних и малых предприятий научно-технического профиля*, предназначенного для создания механизмов рискованных инвестиций, поддержки трансформации научно-технических достижений в реальную производительную силу. Таким образом предполагалось обеспечить быстрое развитие средних и малых предприятий с высокой технологичностью и конкурентоспособностью.

Среди государственных программ развития высоких технологий и образования следует отметить программу «863» (начало реализации — 1986 г.). Основная задача — играть роль «локомотива» в развитии высоких технологий, чтобы в период после 2000 г. подготовить почву для обеспечения стабильного роста экономики страны. В программе в качестве приоритетных выделены восемь областей развития: биоинженерия, космическая техника, информатика, лазерная техника, автоматика, энергетика, новые материалы, техника освоения мирового океана.

С 1988 г. в КНР осуществляется программа освоения высоких и новейших технологий «Факел». Она призвана выявить преимущества научно-технического потенциала Китая и содействовать коммерциализации достижений в области высоких и новейших технологий, индустриализации производства товаров высоких и новейших технологий и интернационализации индустрии этих технологий. Программа «Факел» предусматривает освоение высокотехнологичных производств, дающих техникоёмкую продукцию и максимальный экономический эффект на внутреннем и зарубежном рынках; создание в масштабах всей страны зон

освоения высоких технологий, налаживание управленческой системы и механизма функционирования, которые соответствовали бы потребностям высокотехнологичных производств. Основные направления программы — новые материалы, биоинженерия, информатика, интеграция машиностроения и электроники, новые источники энергии, энергосберегающие технологии и др.

Среди других не менее масштабных государственных проектов, связанных с внедрением достижений НТП в конкретные сферы и отрасли национальной экономики, следует отметить:

— программу «973», которая решает главные научные проблемы сельского хозяйства, энергетики, информатики, ресурсов и окружающей среды, народонаселения и здоровья, а также материаловедения;

— программу «Искра», имеющую целью развитие сельского хозяйства на основе НТП, популяризацию науки и техники в деревне и улучшение эффективности производства. Сегодня в рамках этой программы реализуются более 140 тыс. проектов, охватывающих около 90 % уездов и городов в сельских районах страны.

Следует отметить ещё одну весьма специфичную особенность государственной инновационной политики Китая. В поиск новейших технологий и инноваций вовлечены тысячи и тысячи китайских граждан, выезжавших за рубеж в качестве представителей государственных организаций, частных китайских компаний или на обучение. Делалось это как легально, в рамках обмена опытом на всевозможных конференциях или двустороннего сотрудничества китайских фирм с зарубежными партнёрами, так и не

вполне легально. Это достаточно логично объясняет приток китайских студентов в страны бывшего СССР, включая и Республику Беларусь, которые ещё с советских времен обладают большим научным заданием, особенно в сфере фундаментальных исследований. Именно благодаря этой особенности китайской научно-технической и инновационной политики законодательство об интеллектуальной собственности в Китае долгое время находилось в таком состоянии, которое позволяло активно и безболезненно использовать добытый подобным образом зарубежный опыт, что до сих пор вызывает бессильное недовольство США. Однако данные программы направлены в основном не на формирование собственной инновационной индустрии, а на освоение опыта зарубежных стран, что характерно для всех стран Юго-Восточной Азии, избравших путь так называемой «догоняющей (имитационной) экономики».

Как известно, основы модели «имитационного развития» были заложены ещё Японией, которая в условиях ограниченности ресурсов достигла высоких результатов в экономическом развитии, опираясь на заимствованные технологии. Особенность имитационной модели экономического развития состоит, прежде всего, в том, что предпочтение отдаётся не созданию, а селекции технологий, созданных зарубежными странами. Понимая, что правильный выбор заимствованной технологии позволяет стране преодолеть ограничения на пути экономического развития, Китай придавал большое значение чёткой постановке экономических задач, для решения которых осуществлялся *легальный и нелегальный поиск новых технологий*

в общемировом масштабе. Причём с изменением внутренней и внешней среды происходило соответствующее изменение задач и, следовательно, корректировалось содержание технологической политики.

Селекция технологий происходила в различных вариантах: не только лицензионные соглашения с зарубежными странами или приобретение патентов, но и приглашение высококвалифицированных специалистов, а также приобретение современного оборудования. Определённость технологической политики на стадии селекции позволила КНР соответствующим образом «настроить» собственную сферу исследований и подготовки высококвалифицированных специалистов университетского уровня. Из трёх компонент инновационного процесса: «фундаментальные исследования — прикладные исследования — разработки» — правительство КНР поначалу отдавало приоритет (с соответствующей концентрацией ресурсов) осуществлению прикладных исследований, всецело направленных на адаптацию заимствованных технологий к условиям местного производства. Исключительно большое внимание уделялось и разработкам, которые позволяли значительно умножить коммерческий эффект от практического внедрения в производство каждой конкретной технологии.

Стремительный процесс накопления знаний в процессе адаптации передовых зарубежных технологий в национальном производстве позволил Китаю постепенно расширить сферу исследовательской деятельности и перейти к созданию собственных технологий, а накопление финансовых ресурсов позволило постепенно увеличить расхо-

ды на фундаментальные исследования и расширить диапазон образовательной деятельности. В результате такой научно-технической и инновационной политики в 2002 г. китайские правительство нацелилось на формирование собственной инновационной индустрии *Hightech-технологий*. Первым шагом в реализации этого курса стал государственный закон «Об инновационной политике КНР», предусматривающий четкое законодательное и финансовое обеспечение. В соответствии с разработанной специальной государственной программой к 2010 г. в Китае должна быть создана собственная инновационная система. До 2020 г. КНР по 11-ти основополагающим направлениям НТП обязана выйти на мировой уровень, а по 3–5 позициям в каждом направлении занять лидирующее место в мировой науке. По планам китайского правительства, к 2050 г. в стране должна быть создана экономика знаний.

При этом в Китае огромное значение уделяется созданию единого органа управления формирования инновационной системы — Комитета по разработке национальной инновационной системы. Главой Комитета является президент Академии наук КНР, член правительства и ЦК КПК, заместитель председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП), один из крупнейших китайских физиков Лу Юнсянь. К основным направлениям деятельности Комитета относятся: координация и управление развития НИОКР; совершенствование нормативно-правовой основы защиты прав на интеллектуальную собственность; разработка стратегии и направлений развития технологий и научных иссле-

ований КНР; развитие технологий и инновационной деятельности в КНР; формирование рынка инновационного капитала и информационно-консультационных услуг КНР; обеспечение инновационной экономики высококвалифицированными кадрами.

Поставив задачу добиться более высокого уровня подготовки кадров, профессионализма и локальной научной деятельности, которая имела бы более специализированную отраслевую направленность, КНР непрерывно увеличивает расходы на развитие инновационных технологий. Объём инвестиций в развитие высоких технологий в Китае в 2004 г. составил USD 108.9 млрд (1.5 % ВВП), в 2005 — 125.4 млрд, а в 2006 г. — уже 139.6 млрд. Причиной роста инвестиций явилось увеличение внутреннего спроса на продукты высоких технологий — на 19 % в год (без учёта Гонконга). Некоторые специалисты, например комиссар по исследованиям ЕС Я. Петокник, не без веских оснований полагают, что уже через 5 лет доля расходов на исследовательские программы в общем объёме ВВП в Китае будет гораздо выше, чем в ЕС.

Наряду с беспрецедентной по темпам роста финансовой концентрацией ресурсов в сфере научно-технической и инновационной деятельности в КНР идет ускоренная мобилизация внутренних интеллектуальных ресурсов, направленная на собственное инновационное развитие. Ежегодно китайские университеты выпускают почти 450 000 инженеров, столько же обучается за рубежом. Обучающиеся по всему миру китайцы, словно «пчелы», собирают и несут в свой «улей» добытый во всех уголках планеты «мед» — бесценные научно-технические знания и опыт. По

прогнозам Министерства образования КНР в 2020 г. на 100 тыс. человек будет приходиться около 13,5 тыс. специалистов с высшим образованием и примерно 31 тыс. человек со средним образованием. Уже сейчас качество образования китайских специалистов ничуть не хуже своих западных коллег, при этом их труд стоит в пять раз дешевле. Именно с этим связан тот факт, что все больше иностранных фирм под флагом «объединения исследовательских ресурсов» переводят свои научно-исследовательские и конструкторские работы в Китай.

Другим важнейшим фактором, содействующим научно-техническим инновациям в Китае, является развитие вузовских зон науки и техники при непосредственном участии и контроле Комитета по разработке национальной инновационной системы. Сейчас в КНР насчитывается не менее 50 вузовских зон освоения науки и техники государственной категории. На конец декабря 2005 г. в этих зонах насчитывалось более 1500 учреждений, занимающихся научными исследованиями и разработкой технологий, а также не менее 5000 предприятий. В производство внедрено 4680 научно-технических разработок, запатентованы 2923 разработки и освоено 5116 новых видов продукции. В 2005 г. по количеству опубликованных научно-технических статей международного уровня Китай вышел на 3 место в мире, количество внутренних патентных заявок впервые превысило число заявок из-за границы. Сейчас КНР занимает лидирующее положение в мире по количеству центров содействия производительным силам и по числу научно-технических «инкубаторов».

В настоящий момент страна пере-

*Специфика инновационной политики Китая:
сравнительный анализ со странами бывшего СССР*

живает «бум» развития практически всех отраслей реального сектора экономики, однако наибольший успех наблюдается в сфере информационных технологий (ИТ). Это связано с тем, что сегодня ИТ-отрасль получает значительную государственную поддержку, в результате чего ряд крупнейших китайских предприятий, среди которых, например, компания *Huawei* («Хуавей»), добился весьма больших успехов как на внутреннем, так и на зарубежных рынках. Так, телекоммуникационное оборудование компании «Хуавей» — системы коммутации типа C&C08 — востребованы в Италии, Испании, Франции, Великобритании, Нидерландах и отвечают современному мировому уровню. Только в прошлом 2005 г. компания получила около 3000 патентов на технологические новшества в сфере коммуникационного оборудования. В итоге сегодня «Хуавей» входит в десятку мировых лидеров, среди которых *Nokia Corp.*, *Ericsson*, *Motorola*, *Cisco* и *Alcatel*.

Несмотря на то что китайская инновационная политика уже вышла на стадию экспансии на внешние рынки, внимание со стороны китайских властей к стимулированию инновационной деятельности не только не ослабевает, но и усиливается. Так, премьер-министр КНР Вэнь Цзябао в ряде последних выступлений отметил, что задача развития науки и техники в стране по-прежнему является приоритетной и стратегической. В 2006 г. из центрального бюджета на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) будет выделено около USD 9 млрд, что на 19,2 % больше показателя предыдущего года. С учётом того, что стоимость труда в Китае в несколько раз ниже, чем в тех-

нологически развитых странах Запада, при сравнении указанную сумму надо как минимум увеличить в 5 раз. При этом премьер-министр предложил обратить пристальное внимание на развитие фундаментальных наук, технологий по энергетике, водным ресурсам и защите окружающей среды, космических и морских технологий, а также на защиту прав на интеллектуальную собственность, поскольку теперь ведущему свои собственные исследования и разработки Китаю уже есть что защищать в данной сфере.

Республика Беларусь, так же как и Китай, не спешит с революционными рыночно-капиталистическими преобразованиями в экономической и политической системах страны, а наоборот, делает упор на всестороннее укрепление роли государства и как главной регулирующей экономики силы, и как глобального предпринимателя, перенеся главные усилия на переход к экономике инновационного типа на основе программно-целевых методов прогнозирования и планирования ИТП. В Беларуси, где вследствие объективной ограниченности природно-ресурсного потенциала необходимость ускоренного формирования экономики инновационного типа, базирующейся на внедрении самых современных достижений науки и техники, результатов НИР и НИОКР, опережающем развитии человеческого капитала и национальной системы образования, была осознана наиболее остро и, пожалуй, раньше, чем где-либо на постсоветском пространстве. Однако на начальном этапе рыночных реформ 1990–1994 гг., осуществлявшихся, как и во многих других странах бывшего СССР, в соответствии с рекомендациями Вашинг-

гтонского консенсуса, формирование инновационной экономики носило во многом декларативный характер. Для этого периода характерно стремительное разрушение научно-технического и инновационно-промышленного потенциалов страны (см. табл. 1), падение ВВП, и особенно объемов промышленного производства (деиндуст-

риализация национальной экономики), снижение инвестиционной и инновационной активности, несмотря даже на то, что активизация инновационной и инвестиционной деятельности была обозначена в качестве одного из пяти основных приоритетов социально-экономического развития Республики Беларусь того времени (табл. 3).

Таблица 3. Приоритеты социально-экономического развития Республики Беларусь в разные периоды трансформации

Приоритет	Период 1991–1995 гг.	Период 2006–2007 гг.
1	Формирование эффективной системы здравоохранения	Всестороннее гармоничное развитие человека на основе повышения реальных денежных доходов
2	Активизация инновационной и инвестиционной деятельности	Инновационный путь развития экономики
3	Наращивание экспорта товаров и услуг	Наращивание экспортного потенциала на основе повышения конкурентоспособности отечественной продукции
4	Дальнейшее развитие жилищного строительства на безэмиссионной основе с максимальным использованием внебюджетных источников финансирования	Жилищное строительство
5	Развитие агропромышленного комплекса и сопряженных отраслей	Развитие агропромышленного комплекса и социальное возрождение села
6	–	Энерго- и ресурсосбережение
7	–	Социально-экономическое развитие малых и средних городов

Источник: [4, с. 25].

С приходом к власти патристично настроенного А. Г. Лукашенко распад научно-технического, промышленного и инновационного секторов существенно замедлился, а в 1996 г. в «Программе развития инновационной деятельности Республики Беларусь»

были впервые заложены теоретико-методологические и практически значимые основы инновационного процесса в стране. С тех пор проблемы стимулирования инновационной деятельности постоянно находились и находятся в центре внимания высшего руководства страны.

*Специфика инновационной политики Китая:
сравнительный анализ со странами бывшего СССР*

В принятой в марте 2006 г. «Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2010 гг.» в качестве основных приняты следующие направления научно-технической и инновационной деятельности: ресурсосберегающие и энергоэффективные технологии производства конкурентоспособной продукции; новые материалы и новые источники энергии; медицина и фармацевтика; информационные и телекоммуникационные технологии; технологии производства, переработки и хранения сельскохозяйственной продукции; промышленные биотехнологии; экология и рациональное природопользование. Особо важное позитивное значение имеет то обстоятельство, что указанным документом к 2010 г. предусматривается увеличение финансирования научно-инновационной деятельности не менее чем в 2.5–3 раза.

В конечном счете, сегодня к пяти действующим приоритетам социально-экономического развития страны добавились два новых (табл. 2). Запланировано, что при прочих равных условиях реализация намеченных приоритетов позволит в 2010 г., в сравнении с 2005 г., увеличить ВВП в 1.46–1.55 раза, производство продукции промышленности — в 1.43–1.51, сельского хозяйства — в 1.34–1.45, объём инвестиций в основной капитал — в 1.8–1.9 раза. Наряду с приоритетными направлениями научно-технической деятельности в Республике Беларусь на 2006–2010 гг. определены 28 приоритетных макротехнологий, которые должны обеспечить производственную специализацию Беларуси в системе мировых хозяйственных связей и конкурентоспособность отечественной продукции на внутреннем и внешнем

рынках. Это, прежде всего, машиностроительный и сельскохозяйственный комплексы, электронная, вычислительная и оптоволоконная техника, строительные материалы, биологические, тонкие химические, информационные технологии и ряд других направлений научно-технической деятельности [14, с. 4]. Кроме того, обозначены следующие основные направления совершенствования организации и управления научно-инновационной сферой [16, с. 21]: оптимизация управления научно-технической сферой на основе программно-целевого подхода; концентрация ресурсов на важнейших направлениях научных исследований и разработок; формирование национальной инновационной системы; сохранение и развитие кадрового потенциала научно-технического комплекса; совершенствование региональной научно-технической политики; активизация международного научно-технического сотрудничества.

В соответствии с этими направлениями важное место в формировании и повышении научно-технического, промышленного и инновационного потенциалов национальной экономики Республики Беларусь отводится *долгосрочному прогнозированию, программированию и планированию* развития соответствующих сфер экономической деятельности. Так, в конце 2005 г. в Республике Беларусь завершился второй этап составления *Комплексного прогноза научно-технического прогресса Республики Беларусь на 2006–2025 гг.*, который прямо определяет будущие потенциальные изменения в производственном комплексе страны [4, с. 230–232]. В частности, *Комплексным прогнозом* запланировано, что объём продукции, произведённой по

экономики),
и иннова-
етря даже на
вационной и
ности была
ного из пяти
нально-эко-
спублики Бе-
л. 3).

Республики

енное
снове
сенежных
развития
ого
повышения
ти
ии
тве
енного
е
сжение
ское
них городов

ы теоретико-
ктически зна-
ионного про-
тор проблемы
ионной дея-
находились и
мания выше-

новым технологиям, вырастет к 2025 г., по сравнению с 2006 г., в 5 раз, причём её удельный вес в 2025 г. составит 29 против 15,6 % в 2006 г. Объём продукции, произведённой по высоким технологиям, по сравнению с 2006 г. также возрастет, хотя величина указанного роста окажется менее весомой — 1,4 раза к 2010 г. и 3,9 раза к 2025 г. Таким образом, темпы роста объёма продукции, произведённой по новым технологиям, будут в 3,1 раза опережать темпы роста объёмов продукции, произведённой по традиционным технологиям, а темпы роста объёма высокотехнологичной продукции окажутся в 2,4 раза выше темпов роста объёмов продукции, произведённой по традиционным технологиям.

В Республике Беларусь, как и в Китае, достаточно успешно развивается процесс формирования инновационной инфраструктуры, в которой одно из центральных мест призван занять *Парк высоких технологий* (белорусская «Силиконовая долина»), созданный в г. Минске в соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 4 апреля 2006 г. № 5 «О Парке высоких технологий». Активно создаются центры трансфера технологий, центры коллективного пользования основными средствами научных исследований и разработок, оказывается поддержка малым инновационным предприятиям и другим элементам инновационной инфраструктуры.

На протяжении ряда лет весьма результативно действуют Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований, Белорусский инновационный фонд, Фонд информатизации Республики Беларусь, а также отраслевые инновационные фонды (инновационные фонды государственных

органов управления, министерств и ведомств). В совокупности все перечисленные фонды продемонстрировали существенное увеличение финансовых ресурсов, аккумулированных и направленных на выполнение научных и инновационных проектов, с USD 255,8 млн в 2001 г. до 485,9 млн в 2005 г., причём на долю отраслевых инновационных фондов пришлось не менее 98 % от обозначенных сумм. Наряду с количественными показателями деятельности белорусской инновационной системы заметно улучшились и качественные параметры её функционирования. В частности, эксперты констатируют, что если в 2002 г. на 1 рубль внутренних затрат на науку отгружалось инновационной продукции стоимостью 11 руб., то в 2005 г. этот показатель составил уже 15,9 руб. Анализ отдачи от 1 рубля затрат на технологические инновации также свидетельствует о положительной динамике с 1,90 руб. в 2002 г. до 2,96 руб. в 2005 г.

Разумеется, усилия государства по стимулированию перехода к инновационной экономике не остались безрезультатными, поскольку в 2005–2006 гг., впервые за последние 15 лет, произошло увеличение наукоёмкости белорусского ВВП (см. табл. 1), доли инновационно-активных предприятий (до 14,1 %), численности специалистов, занятых исследованиями и разработками. Неслучайно сегодня Республика Беларусь лидирует среди стран — участниц СНГ по целому ряду экономических и социальных показателей. В частности, наша страна первой среди стран региона вышла на дореформенный уровень ВВП и сегодня уже превзошла его на 30 %. По итогам 2005–2006 гг. то же самое можно сказать и об инвестициях в основной капитал,

*Специфика инновационной политики Китая:
сравнительный анализ со странами бывшего СССР*

доле убыточных предприятий (менее 4 %), уровне благосостояния населения и ряде других важнейших показате-

телей, в том числе характеризующих развитие научно-технической и инновационной сферы страны (табл. 4).

Таблица 4. Динамика некоторых макроэкономических индикаторов и показателей развития научно-инновационной сферы Республики Беларусь в 1997–2005 гг.

Показатель	Годы								
	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
ВВП, USD млрд	14,7	16,1	10,9	11,4	12,1	14,5	17,6	23,1	29,6
Индекс ВВП, % к предыдущему году	111,4	108,4	103,4	105,8	104,7	105,0	107,0	111,4	109,2
Индекс инвестиций в основной капитал, % к предыдущему году	120	125	92	102	97	106	121	121	120
Ассигнования на науку из бюджета, USD млн;	71,0	69,5	48,9	45,5	47,7	49,9	66,2	87,7	116,7
% к расходам бюджета;	1,47	1,21	1,18	1,13	1,12	1,04	1,07	0,86	0,81
% к ВВП	0,48	0,43	0,45	0,40	0,45	0,35	0,38	0,38	0,4
Удельный вес бюджетного финансирования в общем объёме внутренних затрат на научные исследования и разработки, %	52,6	52,0	42,5	46,2	50,0	45,8	48,6	51,5	58,7
Внутренние затраты на научные исследования и разработки, USD млн	107,1	113,7	92,4	82,5	85,7	90,0	107,8	145,0	204,9
% к ВВП	0,73	0,71	0,85	0,72	0,71	0,62	0,61	0,63	0,69
Удельный вес численности работников, выполнявших научные исследования и разработки в общей численности занятых в экономике, %	0,72	0,62	0,59	0,68	0,69	0,68	0,66	0,64	0,69
Средневзвешенный курс доллара США (по данным Национального банка Республики Беларусь), BYR/USD	24995	43596	276661	800*	1420	1804	2075	2164	2155

Примечание: *с учётом деноминации белорусского рубля (уменьшение в 1000 раз).

Источник: рассчитано с использованием информации [15, с. 317; 16, с. 249].

Те же страны бывшего СССР, которые реализовали полномасштабное «рыночно-капиталистическое» оздоровление в полном соответствии с ре-

цептами западных «друзей» и бросили штурвал управления экономикой на произвол рыночной стихии, где всецело господствует крупный (значит,

западный капитал), сегодня из последних сил кормят своих и чужих олигархов и потому до сих пор не вышли на дореформенные уровни развития, даже несмотря на несравненно большую обеспеченность природными ресурсами и отсутствие давления извне, о чём уже говорилось выше.

Четвёртая особенность китайской социально-экономической и инновационной политики связана со спецификой инвестиционного процесса в КНР, который *тесно увязан с реализацией структурной государственной политики* и тем самым существенным образом отличается от инвестиционной политики стран бывшего СССР.

Важно отметить, что отечественная историческая практика также знает примеры как весьма эффективной, так и откровенно провальной инвестиционной и структурной политики. Так, массивные инвестиции в промышленный сектор экономики бывшего СССР позволили в считанные годы осуществить широкомасштабную индустриализацию народного хозяйства и тем самым превратить некогда аграрную страну в промышленно развитую державу со вторым в мире ВВП, на протяжении десятилетий успешно конкурировавшую с самими США по ряду направлений НТП. С другой стороны, рыночно-капиталистические реформы и вызванный ими инвестиционный кризис 1990-х гг. привели ту же самую страну к не менее быстрой деградации её научно-технического и промышленного потенциалов — деиндустриализации национальной экономики — и отбросили народы, сумевшие первыми запустить человека в космос, на обочину мирового НТП.

В частности, специалисты отмеча-

ют, что в России за годы «рыночно-капиталистического оздоровления» экономики (1990—2000). общий объём инвестиций в промышленность сократился более чем в пять раз. При этом если в 1990 г. доля отраслей высокой степени переработки в общем объёме инвестиций в основные средства промышленности составляла 50.4 %, причём на машиностроение и металлообработку приходилось 24.3 %, то в 2000 г. эта доля сократилась до 27 %, в то время как на машиностроение и металлообработку приходилось всего 8.04 %. Инвестиционная и структурная политика России в этот период противоречила всем общепринятым нормам и элементарной логике. Топливная промышленность, обеспечивавшая всего 1 % инновационной продукции в общем объёме отгруженной продукции, в 2000 г. получила более 40 % всех инвестиций, в то время как машиностроение, где аналогичная доля уверенно превышала 10 %, довольствовалось лишь 9.3 % от общего объёма инвестиций. Результаты столь «эффективной» инвестиционной и структурной политики не замедлили себя ждать: в период 1990—2002 гг. доля Российской Федерации на мировом рынке наукоемкой продукции сократилась примерно в 20 раз (см. рис. 1) [20, с. 609, 676], и уже сегодня можно наблюдать, как некогда великая сверхдержава неминуемо превращается в технологическое захолустье с прикованным к «сырьевой тачке» населением.

Представляется, что указанные провалы в инвестиционной и структурной политике России, равно как и некоторых других стран СНГ, далеко неслучайны, их трудно объяснить обычной халатностью и наивным неведением. Вероятнее всего, в коридо-

рах российской власти очень много чиновников («пятая колонна»), которые свой собственный достаток ценят значительно выше национальных интересов страны и потому, сознательно уничтожая наукоёмкий и высокотехнологичный секторы российской экономики, действуют в интересах западных ТНК, способных щедро вознаграждать за столь тщательное усердие. Сегодня даже российские учёные всё смелее и громче ведут речь о продажности и сознательном злом умысле в действиях реформаторов-рыночников. На научных форумах в ведущих вузах России во всеуслышание заявляется о том, что, «учитывая факты последних 15–20 лет, ничего другого не остаётся, как предположить, что чиновники (реформаторы) руководствуются не национальными интересами, а ценностями более высокого уровня, «общечеловеческими», или «мировыми», и вознаграждаются за свои усилия благодарным «мировым сообществом», представленным «государствами-лидерами»... При этом под «общечеловеческими» ценностями понимаются мировые деньги (на сегодня — доллары США)...» [17, с. 188].

В эфире передачи «Момент истины» (НТВ) от 23 октября 2005 г. во всеуслышание заявлено о сознательном уничтожении российскими чиновниками, которые по долгу службы, наоборот, призваны осуществлять структурную промышленную политику, великих русских заводов, составляющих серьёзную конкуренцию Западу на рынках высокотехнологичной продукции. Чем иным, как не влиянием «пятой колонны», можно объяснить упорное, неподдающееся какой-либо другой логике (либерально-монетаристское мифотворчество о «свя-

том и правом» деле борьбы с главным «врагом народа» — инфляцией оставим для студентов-первокурсников) нежелание правительств отдельных стран финансировать в достаточном объёме науку, образование, высокотехнологичный и наукоёмкий секторы экономики. И всё это происходит в то время, когда конъюнктурный рост мировых цен на энергоресурсы позволяет формировать государственный бюджет с огромным, невиданным в мировой практике, профицитом. Неслучайно мэр российской столицы Ю.М. Лужков на VII съезде партии «Единая Россия» (г. Екатеринбург, 2 декабря 2006 г.) предельно откровенно и жёстко заявил, что до сих пор находящиеся в России у власти «либерал-реформаторы — вовсе не реаниматоры российской экономики. На самом деле — это коновалы, которые на протяжении десятилетий методично и цинично мастерили гроб экономике и будущему России».

Судя по всему, выстреленная за годы рыночных реформ вертикаль власти в отдельных странах бывшего СССР, обеспечившая переход наиболее эффективных активов страны и бывшей общенародной собственности под контроль западного или компрадорского прозападного капитала, инвестирующая колоссальные ресурсы в экономику США в виде огромного стабилизационного фонда, всеми силами поддерживающая быстро слабеющую американскую валюту путём её обеспечения товарной массой — продажей энергоресурсов и сырья не за рубли, а за доллары, и досрочной выплатой долгов, номинированных в обесценивающихся долларах, — это прямой результат западных технологий разрушения научно-технического и инновационно-

го потенциалов переходных к рынку стран и обеспечения доступа к их природным ресурсам. Учитывая это, приходится ещё раз обратить внимание на мудрую и дальновидную политику высшего политического руководства Республики Беларусь, остановившего бесконтрольное проникновение в страну иностранных инвестиций от подобного рода иностранных «инвесторов». Анализируя причины успехов «нерыночной» Беларуси, демонстрирующей устойчивое экономическое развитие в условиях острейшего дефицита собственных природных ресурсов и беспрецедентного давления извне, эксперты полагают, что эти достижения во многом обусловлены тем, что так называемым иностранным «инвесторам» (западным ТНК), благодаря принципиальной позиции высшего политического руководства Беларуси, не удалось захватить наиболее эффективные активы и ключевые высоты в национальной экономике и на этой основе выстроить в стране вертикаль власти, нацеленную на оказание всесторонней «братской» помощи Западу, как это случилось с некоторыми другими странами бывшего СССР.

Таким образом, рыночный миф о чудотворной силе иностранных инвестиций имеет под собой практическую

основу, однако, только в той его части, в которой позволяет Западу баснословно обогащаться за счёт развивающихся и переходных к рынку стран, бездумно принимающих эти самые инвестиции. В итоге сегодня «нерыночная» Беларусь лидирует среди стран — участниц СНГ по целому ряду экономических и социальных показателей. В то же время, наряду с очевидными успехами экономического роста национальной экономики Беларуси, который, однако, имеет в основном экстенсивный характер, необходимо отметить противоречивость и проблемы структурной политики, реализуемой в стране. Прежде всего, продолжается недоинвестирование в отрасли, определяющие научно-технический уровень развития страны, характерное для 1990-х гг. В частности, некоторые новые члены ЕС демонстрируют быстрый рост капиталовложений в основной капитал, в 1.5–2 раза превзойдя по данному показателю дореформенный уровень, что позволяет им лидировать по скорости интеграции в европейскую экономику (табл. 5). В то же время наиболее благополучная из стран СНГ — Республика Беларусь — только в 2006 г. вышла на дореформенный уровень по данному весьма важному показателю.

Таблица 5. Реальные инвестиции в основной капитал в некоторых европейских странах* (индексы, 1990 г. = 100%)

Страна	Годы													
	1990	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Чехия	100	85	92	111	120	116	117	116	122	129	133	143	—	—
Венгрия	100	89	99	96	102	112	126	134	144	151	163	168	—	—
Польша	100	101	110	128	153	186	213	227	234	213	201	200	—	—
Беларусь	100	57	57	39	37	45	56	51	52	50	54	66	80	96

Примечание: *собственные расчёты с использованием [4, с. 62].

*Специфика инновационной политики Китая:
сравнительный анализ со странами бывшего СССР*

В результате систематического недоинвестирования износ машин и оборудования в промышленности и сельском хозяйстве Беларуси давно уже превысил отметку 70 %, а в строительстве ситуация вообще катастрофичная, поскольку 3/4 основного капитала отрасли изношены (табл. 6). К сожалению, ситуация не меняется к лучшему, и износ только нарастает. По данным Министерства статистики Республики Беларусь, в 2002 г. лишь чуть

больше трети всех амортизационных отчислений использовалось на восстановление основных средств (в промышленности — 64 %), то есть даже средства амортизационных фондов используются не по назначению. В итоге чистый ввод основных фондов в белорусской промышленности в 2002 г. был отрицательным [12, с. 174], что объективно способствовало ухудшению технологической структуры белорусской экономики.

Таблица 6. Удельный вес накоплений амортизации в первоначальной стоимости (износ) основных средств организаций по отраслям Беларуси (на начало 2005 г.), %

Категория основных средств	Здания	Соружения	Передаточные устройства	Машины и оборудование	Транспортные средства
Основные средства:					
– промышленности	34,8	66,8	64,9	79,0	73,8
– сельское хозяйство	52,8	56,7	67,1	71,4	79,5
– транспорт	32,3	42,8	54,0	63,1	70,0
– связь	30,6	46,0	49,3	53,8	64,5
– строительство	40,0	38,2	71,9	81,7	74,8
– торговля и общественное питание	38,6	40,7	39,3	58,3	65,4

Источник: [4, с. 63].

О застойных явлениях в современной белорусской экономике также свидетельствует и динамика отраслевой структуры инвестиций в основной капитал (табл. 7), отражающая, например, отсутствие должного внимания к нуждам промышленности, доля инвестиций в которую в последние годы обнаружила тенденцию к снижению. Однако больше всего тревожит то обстоятельство, что динамика инвестиций в основной капитал в отрасли «Наука и научное обслуживание» демонстрирует долгосрочную понижающую тенденцию, и лишь в последние годы в этом направлении обозначились некоторые положительные сдвиги, хотя общий объем инвестиций

в отрасль по анализируемому показателю по-прежнему остаётся в 3–3,5 раза меньше дореформенного уровня. Разумеется, методично снижающийся удельный вес инвестиций в научную сферу отрицательно сказался на состоянии основных фондов научных исследований и разработок, износ которых сегодня зачастую достигает значения 70–80 % и быстро нарастает. Указанный просчёт в реализации структурной политики является серьёзной предпосылкой для утраты страной высокого научно-технического и инновационного потенциалов в перспективе и таит в себе реальную угрозу деиндустриализации страны и примитивизации национальной экономики.

Таблица 7. Динамика структуры инвестиций в основной капитал по некоторым отраслям экономики Республики Беларусь (в % к итогу)

Годы	Всего	Промышленность	Сельское хозяйство	Транспорт	Строительство	Жилищное строительство	Коммунальное хозяйство	Наука и научное обслуживание	Прочие отрасли экономики
1990	100	24	29	6	3	20	5	1,0	12,0
1991	100	25	26	8	4	21	6	1,0	9,0
1992	100	25	18	8	2	26	8	0,3	12,7
1993	100	25	15	10	3	24	8	0,3	14,7
1994	100	32	9	9	2	25	7	0,2	15,8
1995	100	30	9	13	2	20	8	0,3	17,7
1996	100	31	8	13	1	20	7	0,1	19,9
1997	100	31	6	14	1	24	7	0,2	16,8
1998	100	35	7	10	2	23	6	0,2	16,8
1999	100	28	6	13	2	26	6	0,2	18,8
2000	100	30	7	11	1	26	6	0,3	18,7
2001	100	32	5	14	2	24	6	0,1	16,9
2002	100	32	5	15	2	20	8	0,2	18,8
2003	100	33	6	12	3	17	8	0,3	20,7
2004	100	32	8	10	3	16	8	0,4	22,7
2005	100	28	13	11	2	17	7	0,3	21,7

Источник: [4, с. 63].

В связи с этим в качестве примера эффективной инвестиционной и структурной политики целесообразно рассмотреть китайский вариант, особенно в части привлечения иностранных инвестиций [10, с. 309–312]. Так, китайскую модель привлечения иностранных инвестиций отличает ярко выраженная концессия приоритетов и ограничений. Для привлечения иностранных инвестиций отрасли делятся на четыре категории: поощряемые, разрешаемые, ограничиваемые и запрещаемые. После вступления в ВТО перечень поощряемых позиций для зарубежных инвестиций расширился со 186 до 262, а позиции ограничений сократились до 75. Инвестиции, отно-

сящиеся к поощряемым категориям, освобождаются от таможенных пошлин и НДС по импорту оборудования.

В настоящее время Китай относит к поощряемым следующие виды инвестиций: в преобразование традиционного земледелия в современное товарное сельскохозяйственное производство; в базовые инфраструктуры и производства; в новые и высокие технологии; в исследовательские центры; в реконструкцию на базе передовых технологий машиностроительной, текстильной и легкой промышленности; в проекты комплексного использования природных и регенерированных ресурсов; в разрешенные виды продукции, полностью предназначенные

по
логу)

Прочие отрасли экономики
12,0
9,0
12,7
14,7
15,8
17,7
19,9
16,8
16,8
18,8
18,7
16,9
18,8
20,7
22,7
21,7

ториям,
пошлин
ния.
относит
ды ин-
радици-
ное то-
произ-
туры и
ие тех-
центры;
редовых
ой, тек-
нности;
льзова-
ванных
ды про-
аченные

для экспорта; в лидирующие отрасли западных регионов.

Запрещены или ограничены иностранные инвестиции в следующие отрасли:

— земледелие, лесоводство, животноводство и рыболовство, в том числе: разведение и высадка редких и ценных сортов и пород, включая отборные гены в растениеводстве, животноводстве и аквакультуре; производство и освоение трансгенных семян растений; лов в морских зонах, находящихся под юрисдикцией Китая, а также во внутриконтинентальных водах;

— добывающая промышленность, в том числе: разведка, добыча и обогащение радиоактивных минералов; разведка, добыча и обогащение редкоземельных ископаемых;

— обрабатывающая промышленность, в том числе: пищевая промышленность, включая обработку зеленого и специального чая по китайским технологиям; производство медикаментов и лекарственных средств китайской медицины; цветная металлургия и прокатное производство; производство вооружений и боеприпасов; некоторые другие виды обрабатывающей промышленности;

— производство и снабжение электричеством, газом и водой, в том числе строительство и эксплуатация электрических сетей;

— транспортные перевозки, складское хозяйство и почтово-телеграфная связь;

— банковско-финансовое и страховое дело, в том числе фьючерсные компании;

— общественный сервис, в том числе: освоение ресурсов диких животных и дикорастущих растений, находящихся под защитой государства;

строительство и эксплуатация заповедников флоры и фауны; игорный и увеселительный бизнес, включая индустрии с тотализаторами; деятельность, связанная с сексом и эротикой;

— образование, культура и искусство, радио и телевидение, кинематография, в том числе учреждения всеобщего базового (обязательного) образования; издание, распространение, импорт книг, газет и другой периодики; издание, изготовление, распространение, импорт аудиовизуальной продукции и электронной продукции; средства массовой информации; радиовещательные и телевизионные станции, сети радио- и телевизионной передачи разного вида; компании по производству, изданию, распространению и передаче радио- и телевизионных программ; компании кинопроизводства и кинопроката; компании демонстрации видеопроизведений;

— объекты, нарушающие безопасность и эксплуатационные свойства военных сооружений;

— прочие отрасли, состоящие под запретом государства или международных договоров, которые Китай подписал либо в которых он участвует.

Исходя из перечисленных приоритетов и предпочтений государственной политики привлечения иностранных инвестиций, структура последних в КНР имеет ярко выраженный сдвиг в сторону обрабатывающей промышленности, во многом определяющей нынешний технико-технологический прогресс Китая (табл. 8). В то же самое время вполне очевидно, что руководство Китая придает огромное значение защите своих недр и банковско-финансовой сферы от проникновения западного капитала. Тем самым социалистический Китай не позволяет за-

падному капиталу решать свои сырьевые и энергетические проблемы за счёт китайского народа, а активно использует иностранные инвестиции ис-

ключительно для технико-технологической модернизации производства на базе передовых импортных технологий.

Таблица 8. Отраслевая структура иностранных инвестиций, накопленных КНР (на конец 2001 г.)

Отрасль	Объём иностранных инвестиций, млрд USD	Доля в общем объёме инвестиций, %
Обрабатывающая промышленность	141 668	70,03
Общественный сектор	16 169	7,99
Оптовая и розничная торговля, общественное питание	12 249	6,05
Недвижимость	11 925	5,89
Строительство	5 139	2,54
Земледелие, лесоводство, скотоводство, рыболовство	4752	2,35
Транспорт и перевозки, складское хозяйство, почта и телекоммуникации	3499	1,73
Научные исследования и комплексный технологический сервис	1851	0,91
Производство и снабжение электроэнергией, газом и водой	1268	0,63
Горнорудное дело	1047	0,52
Образование, культура, искусство, радиотелевещание, кинематография	530	0,26
Здравоохранение, физкультура, общественный сервис	469	0,23
Геологические изыскания	128	0,06
Банковское и страховое дело	74	0,04

Тот факт, что банковское и страховое дело являются явными аутсайдерами по притоку иностранных инвестиций, свидетельствует, что в КНР проводится взвешенная монетарная и кредитно-денежная политика. Пример стран бывшего СССР показывает, что банковско-финансовая сфера под контролем западного и компрадорского прозападного капитала, провозглашённая «локомотивом экономики» в условиях выполнения рекомендаций Ва-

шингтонского консенсуса (прежде всего, снижения монетизации национальной экономики), очень быстро взвинчивает процентные ставки по дефицитным кредитным ресурсам и тем самым превращается в инструмент «выкачки» ресурсов из реального сектора экономики. «Беда в том, — характеризует данную проблему главный редактор российского журнала «Экономист» проф. П. Игнатовский, — что сегодня банковский кредит превраща-

ется в каналы выкачки средств из производства и их вывоза в зарубежные страны» [18, с. 8].

Пятая особенность государственной инновационной политики КНР состоит в *огромной роли китайской экономической науки* при обосновании и осуществлении любых преобразований, что существенно отличает китайские экономические реформы от многих стран Восточной Европы, реализующих переход к рыночной экономике эмпирически, зачастую методом проб и ошибок. Любые китайские реформы основываются не на подражании Западу или, что ещё хуже, слепом доверии западным советникам, а на тщательном научно-теоретическом осмыслении, обосновании и планировании будущих изменений, их моделировании, локальных экспериментах, то есть на принципиальном недопущении «шоковых» мер. Китайская наука идёт далеко впереди практики, предлагая руководству новые шаги, а не объясняя их постфактум, что характерно для многих прочих стран с трансформационной экономикой.

В частности, Китай, игнорируя рекомендации Вашингтонского консенсуса, МВФ и прочих реализующих интересы Запада международных организаций, проводит свою, что очень важно, собственную научно обоснованную монетарную и кредитно-денежную политику. В стране долгое время резко ограничивалось хождение иностранной валюты, которая планомерно использовалась государством на нужды технико-технологической модернизации; курсы иностранных валют и степень долларизации экономики до сих пор жёстко контролируются правительством, коэффициент монетиза-

ции почти вдвое выше ВВП, кредитные ресурсы вполне доступны промышленным объектам, а субъекты инновационной деятельности вообще пользуются кредитными ресурсами за символическую плату. Указанная специфика функционирования монетарной и кредитно-денежной сферы Китая — важнейшее условие стимулирования инновационной активности, что отличает Китай от переходных стран Восточной Европы, взявших на вооружение монетаризм. Об откровенных провалах в реализации монетарной и кредитно-денежной политики, мешающих становлению инновационной экономики во всех без исключения странах Союзного государства, ЕвразЭС и СНГ, включая и Республику Беларусь, мы весьма подробно рассказывали на страницах журнала [3], а также в монографиях [2; 11].

Неслучайно вопрос о том, что современная экономическая наука (теория) в России, Украине, Беларуси находится в кризисе, «не выполняет своих функций по объяснению социально-экономической практики», «пассивно следует за практикой, пытаясь объяснять происходящее с позиции заимствованных у наших же конкурентов экономических моделей и концепций, изрядно устаревших и потому уже не способных отражать реалии современной социально-экономической практики», «всецело основана на трансляции (компиляции) западного неоклассического «мейнстрима» («экономикс»)), абсолютизирующего всеисилие «невидимой руки» либерального рынка и тем самым методологически вытесняющего из сферы управления экономикой «зримую руку» государства и его Главы», — вопрос был остро поставлен на очередной конфе-

ренции в Академии управления при Президенте Республики Беларусь, посвящённой проблемам государственного регулирования экономики (см. проект рекомендаций конференции [8, с. 365–367], а также тексты выступления ректора Академии управления при Президенте Республики Беларусь [7, с. 13] и других участников [7, с. 20–25, 32–47, 51–63, 64–68, 153–161]).

Литература

1. Байнёв В. Ф. Развитие научно-технической сферы переходных к рынку стран в контексте глобальных вызовов современности // Новая экономика. 2006. № 3–4. С. 3–25.
2. Байнёв В. Ф., Саевич В. В. Переход к инновационной экономике в условиях межгосударственной интеграции: тенденции, проблемы, белорусский опыт. Мн., 2007.
3. Байнёв В. Ф., Седлухо О. В. Вероятные сценарии развития научно-технической и инновационной сферы страны с трансформационной экономикой в зависимости от характера монетарной, кредитно-денежной и фискальной политики государства // Новая экономика. 2006. № 11–12. С. 3–25.
4. Белорусская модель социально-экономического устойчивого инновационного развития: формирование и пути реализации: Сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 19–22 апр. 2006 г.). Мн., 2006.
5. Быков А. А. Антикризисная стратегия предприятия: теория и методология исследования. Мн., 2005.
6. Важнейшие социально-экономические показатели развития России. К пятидесятилетию российских реформ. Альбом статистических таблиц. М., 2007.
7. Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйствования: Третья международная науч.-практ. конф. (Минск, 19–20 апреля 2007 г.): Сб. науч. статей: в 2-х ч. Ч. 1. Мн., 2007.
8. Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйствования: Третья международная науч.-практ. конф. (Минск, 19–20 апреля 2007 г.). Ч. 2. Мн., 2007.
9. Губанов С. Рост отсталости и отсталость роста // Экономист. 2005. № 3. С. 13–29.
10. Дин Жуджунь, Ковалёв М. М. Путь к рыночной экономике (китайская модель реформ). Мн., 2005.
11. Ленчук Е. Б., Байнёв В. Ф., Власкин Г. А., Богдан Н. И., Волошин П. С. Россия – Беларусь: инновационная политика и интеграционное взаимодействие: Монография. М., 2006.
12. Мясникович М. В. Социально-экономическое развитие Республики Беларусь: источники и перспективы устойчивого роста. Мн., 2005.
13. Наука и инновации в Республике Беларусь: Стат. сб. Мн.: ГУ «БелИСА», 2003.
14. Научно-инновационная политика в регионах Беларуси: Матер. республ. науч.-практ. конф. (г. Гродно, 19–20 окт. 2005 г.). Мн., 2005.
15. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2005 года и за период 2001–2005 гг.: Аналитический доклад. Мн., 2006.
16. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь (по итогам 2004 г.): аналитический доклад. Мн., 2005.
17. Россия перед лицом глобализации. М., 2004.
18. Сила теории и практики // Экономист. 2004. № 3. С. 5–16.
19. Христенко В., Миккульский К., Нижегородцев Р. Инновации и экономический рост. М., 2002.
20. Экономический рост и вектор развития России. М., 2004.